

РОДИНА

ISSN 0235—7089

1/90

ЛЕНИНСКАЯ ПАРТИЯ:

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

К ОБНОВЛЕНИЮ

ОБ ЭТОМ — МАТЕРИАЛЫ

ПОД РУБРИКОЙ «ТОЧКА ЗРЕНИЯ»

ЭТИ ГОЛОСА НЕ БЫЛИ УСЛЫШАНЫ

Публикуемая нами статья Владимира Ивановича Вернадского «Украинский вопрос и русское общество» ранее еще нигде не печаталась. Рукописного ее оригинала, к сожалению, не сохранилось. Машинописный экземпляр статьи (3-й или 4-й) с небольшой авторской правкой хранится в личном фонде ученого в Архиве АН СССР (ф. 518, оп. 1, д. 220Б, лл. 1—11). Статья автором не датирована. Однако, судя по тексту, время ее завершения относится скорее всего ко второй половине — концу 1915 года.

Сейчас пока можно только гадать, в какое издание (или издания) и какого типа (журнал, газета, сборник...) были посланы Вернадским первые экземпляры статьи (и были ли посланы вообще) и почему она в свое время не была опубликована. Возможно, это когда-нибудь удастся выяснить на документальной основе.

Совершенно очевидно, однако, что в богатейшем публицистическом наследии Вернадского — наследии, современному читателю, увы, практически почти неизвестном и недоступном, — статья «Украинский вопрос и русское общество» занимает важное место.

Обращение ученого к заявленной в заголовке статьи теме было обусловлено рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств. Что касается объективных — они ясны из содержания статьи. Относительно же обстоятельств субъективных сам Владимир Иванович спустя около трех лет после окончания статьи, в 1918 году (находясь в Киеве в период организации Украинской Академии наук, первым президентом которой он стал), сказал предельно лаконично и точно, характеризуя себя как «русского по культуре и по всему укладу своей жизни — правда, русского, вся жизнь которого непрерывно была связана и с Украиной, и с украинским освободительным движением».

Чем можно объяснить столь непривычное для нас гармоническое сочетание в одном человеке двух национальных начал? Ответ и прост, и одновременно очень сложен. В. И. Вернадский занимает свое, одному ему принадлежащее место в ряду великих отечественных мыслителей конца XIX — первой половины XX века (таких, как Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, П. А. Флоренский), для которых в принципе не существовало проблемы так называемого приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. В то время как категории «государство», «класс», «партия» были альфой и омегой практического выживания административно-командной системы, эти люди жили и творили в атмосфере только общечеловеческих ценностей. Иных они не знали и знать не могли. Личность, семья, нация — вот что было для них единственной, по преимуществу, реальностью.

Сегодня, в пору обострения в нашей стране межнациональных отношений, мы учимся у этих мыслителей терпимости, умению понять иную культуру, уважению ко всем народам и их неотъемлемым правам. Все это нашло отражение в предлагаемой читателям статье В.И. Вернадского.

Украинский вопрос есть вопрос старый, — он ровесник появлению украинского этнографического элемента в составе Московского государства. В разное время вопрос этот принимал разные формы.

Сущность украинского вопроса заключается в том, что украинская (малорусская) народность выработалась в определенно очерченную этнографическую индивидуальность с национальным сознанием, благодаря которому старания близких и дальних родичей обратить ее в простой этнографический материал для усиления господствующей народности оставались и остаются безуспешными.

Национальное самосознание украинцев развилось на почве этнографических отличий, особенностей психики, культурных тяготений и наслоений, связывавших Украину с Западной Европой, и исторически сложившегося уклада народной жизни, проникнутой духом демократизма.

Когда польско-украинская борьба закончилась добровольным присоединением Украинского государства к Московскому Царству, на основах договора 1654 года¹, одновременно начался долгий, до сих пор не закончившийся, период трений между украинским населением и русскою властью, обусловленных централистическими стремлениями последней.

В XVII и XVIII веках русско-украинские отношения сводились к постепенному поглощению и перевариванию Россией Украины как инородного политического тела, причем попутно ликвидировались основы местной культурной жизни (школа, свобода книгопечатания) и подвергались преследованию даже этнографические отличия. Последовательное развитие новых начал управления к концу XVIII века успело малопомалу сгладить следы административной автономии на Украине, а сопутствовавшее новому укладу жизни разложение социальных отношений ослабило оппозицию украинцев великорусскому централизму. Как и в период польского владычества, высшие слои украинского общества в значительной части шли навстречу объединительным тенденциям правительства, а народные массы, по мере распространения на Украине новой социально-экономической структуры, обращались в живой инвентарь государственного хозяйства, теряя значение активной силы в национально-культурной жизни края.

Процесс разложения политического единства Украины проходил не без протестов со стороны сознательных элементов украинского населения и не без чрезвычайных мер со стороны государства, ускорявших водворение нового строя на развалинах старого. Были вспышки местных бунтов, попытки первых гетманов спасти политическую самостоятельность края при помощи иных держав, были открытые военные восстания, подавление которых вело за собою жестокие репрессии со стороны

центрального правительства. Вместе с тем последнее применяло разнообразные способы уничтожения военной силы Украины, вплоть до специальных карательных экспедиций (разрушение Сечи¹) и выселения.

По мере ослабления национальной жизни Украины протест против русского централизма принимал иные формы, но не прекращался до конца XVIII века. Одна за другою в Петербурге появлялись депутации, ходатайствовавшие о сохранении и восстановлении народных прав. Созыв Екатериною II депутатов для обсуждения вопросов государственного характера² вызвал на Украине целое движение протестов против обезличения украинского народа и лишения его политических прав. Наиболее пылкие украинские политики даже и в этот период считали себя вправе высказывать свои жалобы на действия русского правительства иностранным государям. В литературных произведениях этого времени не умолкает скорбь об утраченных правах и национальных вольностях.

В XIX веке Украина, как политический организм с самостоятельной внутренней жизнью, перестала существовать, будучи окончательно, по выражению Петра Великого, «прибрана к рукам» Россией. Все следы автономного строя исчезли, все особенности местного уклада, соответствовавшие народному характеру и составлявшие лучшее приобретение национальной культуры, — как организация народного просвещения, своеобразный строй церковно-религиозной жизни, — уступили свое место общерусскому порядку, державшемуся на трех китах: централизме, абсолютизме, бюрократизме. Борьба за политические интересы старой Украины закончилась за отсутствием объекта этой борьбы.

Но национальная жизнь на Украине не исчезла; она в это время начала возрождаться в новых формах, соответственно новым условиям. Благодаря обращению украинских писателей к живой народной речи получила значительное развитие обновленная литература, близкая к широким массам украинского населения и послужившая могучим фактором национального украинского движения.

Совпавшее с этим периодом возрождение западославянских народностей дало новую почву и широкое научное и культурное обоснование украинскому национальному движению, как одному из составных элементов стремления человечества приобщить народные массы к достижениям культуры и утвердить торжество демократических идей.

Первые идеологи этой стадии украинского движения исходили из идеи равноправия украинской народности с другими славянскими народами и ставили своим идеалом восстановление

национально-политической самостоятельности Украины в составе России, на началах федеративного устройства и широкого демократического строя в местном управлении. В дальнейшем развитии движения украинское общество отстаивало, главным образом, свои права на свободное культивирование народного языка в сфере школы и литературы, относя национально-политическую автономию края к постулатам более отдаленной очереди.

Возрождение украинского движения в новых формах вызвало на первых же порах суровые репрессии правительства и положило начало новому периоду борьбы официальной России с украинской народностью — на этот раз уже, главным образом, с национально-культурной стороной ее жизни, как с реальным обоснованием национального самосознания украинской интеллигенции. В официальной терминологии украинское движение этого периода получило название «украинского сепаратизма».

Меры правительства против украинского движения, не считая личного преследования украинских деятелей, выразились в исключительном цензурном режиме, ограничивавшем употребление украинского языка в печати самими узкими рамками, — в стеснении украинской драматургии и сцены, в гонении на украинский язык в школе, в общем враждебном отношении ко всякому оказательству¹ украинского национального самосознания или даже стихийного влечения к национальному украинскому элементу.

В частных проявлениях борьбы с «украинским сепаратизмом» администрация, особенно местная, доходила до преследования самых невинных и естественных проявлений национальной украинской стихии, как пение народных песен, выступления кобзарей и т.п.

В какой мере в этих случаях правительственная политика не считалась с интересами просвещения и культуры, видно из того, что с наибольшим ожесточением украинская национальная идея преследовалась в церковно-религиозной и школьной литературе. Именно там, где украинская интеллигенция видела лучшее орудие просвещения и наиболее прямой путь к моральному и культурному подъему народных масс, правительство видело лишь угрозу единству русского народа и прочности государства.

Период интенсивной борьбы с украинским движением продолжался, с некоторыми колебаниями и перерывами, более 50 лет, с 1847 по 1905 год. Наиболее острые моменты: 1847 (Кирилло-Мефодиевское братство)², 1863 (запрещение религиозной литературы <на украинском языке>), 1876 (запрещение <на украинском языке> всех видов литературы, кроме беллетристики), 1881

¹ Запорожская Сечь была разрушена русскими войсками в апреле 1709 года, а в мае того же года Петр I издал указ о ее ликвидации. Новая Сечь, возникшая в 1734 году в районе бывшей Запорожской Сечи, была уничтожена в 1775 году.

² В 1767 году Екатерина II создала Комиссию, целью которой была разработка общероссийского правового Уложения. Под предлогом войны с Турцией работа Комиссии вскоре была прекращена.

¹ Здесь, очевидно, в смысле «проявления», «обнаружения».

² Кирилло-Мефодиевское общество возникло в конце 1845 — начале 1846 годов в Киеве и ставило своей целью национальное и социальное освобождение Украины. В Общество входило несколько десятков человек (в их числе Н. И. Костомаров, Н. И. Гулак, Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш и др.). В марте 1847 года члены Общества были арестованы и приговорены к различным мерам наказания.

¹ Имеются в виду мартовские статьи 1654 года, юридически оформившие автономное положение Украины в составе Российского государства после ее воссоединения с Россией на основе решений Московского земского собора 1 октября 1653 года и Переяславской рады 8 января 1654 года.

(подтверждение этого режима). Мотивировалась эта борьба утверждениями об этнографическом, культурном и языковом единстве отдельных ветвей русского народа, о равномерном участии этих ветвей в создании русского литературного языка, общегосударственная роль которого исключает-де необходимость в параллельном развитии иных языков и литератур русского корня; рядом с этим указывалась государственная опасность украинского «политического сепаратизма» и преобладания в украинском движении антигосударственных социальных тенденций; наконец, высказывались подозрения и обвинения в инородном или иноземном происхождении украинского движения, внушаемого и поддерживаемого исконными врагами России, каковы поляки, немцы и т.п.

Правительственная политика этого периода стремилась к определенной цели — достичь полного слияния украинцев с господствующей народностью и уничтожить вредное для последней сознание своей национальной особенности в украинском населении. В своем существе эта политика великорусского национального централизма была, таким образом, не менее сепаратистской, нежели подозреваемое в сепаратизме украинское движение; только официальный сепаратизм был великорусский и клонился к претворению огромного, многоязычного и многокультурного государства в нивелированную по великорусскому образцу страну, великой России — в Великодержию.

Освободительное движение в короткий промежуток 1905—1907 годов дало украинцам свободу от специальной цензуры, прессу, расширение рамок литературной работы, попытки организованной общественной деятельности в сфере народного просвещения. Правящие круги в поворотный момент русской истории (конец 1904 и начало 1905) пошли навстречу и украинской народности в ее наиболее настоятельных нуждах, результатом чего явилось возбуждение вопроса о снятии с украинской письменности цензурных ограничений и разрешение издать украинский перевод Четвероевангелия. Украинское национальное самосознание проявило себя в этот период национальным представительством в Первой и Второй государственных Думах, от которого исходили веские и обоснованные заявления о ждущих своего разрешения нуждах украинского населения в области народной школы, о национализации среднего и высшего образования, а также местных правительственных и церковных установлений, наконец, о реформах местного управления, экономических и социальных отношений. Эти голоса, однако, уже не были услышаны и вместе с кризисом народного представительства умолкли. Наступил новый период гонений на украинское движение.

Период этот совпал с усилением националистических течений в русском обществе, на которые оперся в своей внутренней политике Столыпин. Борьба со стремлениями инородцев к национальному самоопределению сделала одним из лозунгов столыпинского управления, — и в число этих инородцев правительством определено и сознательно включаются украинцы. Сенат-

ский указ о закрытии польской *Oswiata*¹, как организации, содействующей культурному обособлению поляков от России, служит исходной точкой для действий администрации по отношению к украинским «Просвітам» и другим общественным организациям. В ряде циркуляров по ведомству министерства в «внутренних» дел Столыпин объявляет борьбу с украинством государственной задачей, лежащей на России с XVII столетия». Наконец, в качестве кодекса официальных воззрений на украинское движение появляется исследование Щеголева².

Осложняющим моментом в украинском вопросе являлось развитие украинского движения за пределами России — в Галиции³. Там движение началось в середине XIX века и носило, как и в России, исключительно культурно-национальный характер, с тенденцией к усовершенствованию форм внутреннего управления своей страны. Более широкие рамки политической жизни способствовали успехам украинской культуры в Галиции. Литературные и общественные силы российской Украины в периоды усиленных репрессий отливали в Галицию и также участвовали в местной культурной работе. В итоге украинцы усвоили взгляд на Галицию как на Пьемонт⁴ украинского национального возрождения, тогда как русские официальные сферы привыкли смотреть на нее как на очаг украинского сепаратизма, поддерживаемый чужеродными влияниями. Реакционные москвофильские течения Галиции служили опорой такому взгляду.

Отношение широких кругов русского общества к украинскому движению прошло значительную эволюцию. Спокойно-равнодушное вначале, с некоторым интересом к нарождающейся литературе и с идейным сочувствием к национальному возрождению украинцев со стороны отдельных представителей славянофильской мысли, в дальнейшем оно дифференцировалось. Националистические течения относились к украинству подозрительно-враждебно, примыкая к официальной политике. Культурное значение движения пренебрегалось, социальная сторона вызвала опасения, национальная — отвергалась. Прогрессив-

¹ *Oswiata* (польск.) — просвещение; имеется в виду запрещенное царизмом в послереволюционный период польское просветительское общество.

² Скорее всего речь идет о книге С. Н. Щеголева «Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи» (Киев, 1914). Как отмечалось в предисловии, книга была составлена автором по более обширному труду под заглавием «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма».

³ Галиция (Галичина) — территория западноукраинских земель (современные Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области УССР), после воссоединения Украины с Россией оставшаяся в составе Речи Посполитой, а затем, после первого раздела Польши, оказавшаяся под властью Австрии и потом Австро-Венгрии. Воссоединение Галиции с Украиной произошло в 1939 году.

⁴ Пьемонт — область на северо-западе Италии, играла ведущую роль в итальянском национально-освободительном движении XIX века.

ные круги отвлеченно сочувствовали, но практически держались пассивно, не вникая в положительные стороны движения и не останавливаясь на принципиальной недопустимости стеснений в области культуры. Широкое развитие украинской изящной литературы, успехи украинской науки в Галиции, культурный и экономический подъем украинского населения в этом крае, как наглядное доказательство плодотворности национального начала в народном просвещении, — все это прошло мимо внимания русских общественных кругов. На этом фоне общественного равнодушия лишь временами выделялись единичные случаи глубокого понимания вопроса и активно сочувственного отношения, мотивируемого широко толкуемыми интересами национального единства и целостности России. Выражением такого положительного отношения к украинскому вопросу явилась записка Академии наук 1905 года об отмене стеснений малорусского печатного слова, которая имела огромное значение как противовес успешному образованию отчуждению между украинской интеллигенцией и русским обществом.

В последнее десятилетие, с усилением в обществе националистических настроений, выяснилось отрицательное отношение к украинскому движению даже в известной части прогрессивных элементов общества, в глазах которых главная опасность движения заключается именно в его культурной роли, угрожающей России национальным и культурным расколом. Эти элементы сознательно поддерживают противукраинскую политику правительства, их не шокируют административные способы оценки и разрешения вопросов педагогики, филологии, культуры. Из этой среды появляются затем провозвестники русского империализма, признающие право творить культуру только за большими нациями и на этом основании обрекающие культуру 30-миллионного украинского народа на растворение в великорусском море.

Вражда официальной и националистической России к украинскому движению вызвала к себе интерес и внимание в идеологах и руководителях воинствующего германизма, для которого она представлялась благоприятным фактором в случае возможной борьбы против России.

Это внимание германских политиков к украинскому вопросу не только не побудило русское правительство и общество изменить свое к нему отношение и разрешить его согласно принципам общечеловеческой справедливости, настоящим нуждам украинской народности и пользам государства, но окончательно ожесточило враждебные украинству элементы, объединив их в ненависти к новому «мазепинству».

Война 1914 года в известной мере явилась результатом этого рода настроений, ибо отношения между Россией и Австрией определялись по преимуществу славянофильско-националистической идеологией, в которой одно из главных мест занимало враждебное отношение к росту украинской культуры в Галиции и стремление к «воссоединению подъяремной

Руси» с Россией на началах этнографического единства.

Успехи России на австрийском фронте в первые месяцы войны дали возможность правительству при содействии националистов предпринять уничтожение ненавистного «очага мазепинства». Осуществлялся этот план с чисто германской последовательностью и жестокостью — путем полного разрушения украинской общественности и культуры в Галиции и насильственно-го изгнания из нее местных интеллигентных сил.

Период неудач, повлекший за собой отступление из Львова, отрезвил увлекшихся националистов и побудил правительство смягчить свою нетерпимость к украинской национальности в оккупированных частях Галиции. Но общее отношение к украинскому движению не изменилось, о чем свидетельствует тяжелое положение высланных галичан и продолжающиеся цензурные притеснения украинской прессы и литературы в России, которые в последнее время, по-видимому, имеют тенденцию восстановиться для украинского слова действие доконституционного режима¹.

Вместе с тем силою вещей «освобождение подъяремной Руси» принимает дальнейшие своеобразные формы. В договорах союзных держав с Румынией видное место занимает передача ей Буковины, а в переговорах с поляками относительно государственного устройства будущей Польши упоминается предстоящая уже теперь замена русского управления польским в «завоеванных частях польской территории»; предположение это, очевидно, касается оккупируемой русскими войсками части Восточной Галиции, — как известно, составляющей не польскую, а исконно украинскую территорию. «Освобождение» свелось, таким образом, сперва к разрушению украинской культуры во имя русского единства, а затем — к отдаче украинского населения Буковины и Галиции на жертву румынизации и полонизации.

Нового в этом для украинской народности, впрочем, мало. И в прошлом ее интересы жертвовались государством в пользу более сильных или более нужных в данный момент соседей — чаще всего в пользу поляков, несмотря на извечную русско-польскую вражду. В XVII веке Андрусовский договор разделил украинскую территорию между Россией и Польшей. В XVIII веке Екатерина <II> помогала полякам подавить восстание украинского крестьянства против польской власти в то самое время, как восставшие считали, что они действуют в интересах России. В XIX веке правительство становится на сторону польских аграриев против украинского демократизма, а слепая борьба с унией² содействует

полонизации населения Холмщины¹. В XX веке произведенное русскими руками обескровление Восточной Галиции восстановило в ней прежнее влияние польской культуры, подорванное было развитием культуры украинской. В подобных случаях интересы русского дела, русской идеи, русского единства руководителями русской политики в расчет не принимаются.

По мнению украинского общества, русские прогрессисты пассивным отношением к украинскому вопросу совершают огромную историческую и политическую ошибку. Они усиливают этим позицию правительства и националистов, вместо того, чтобы своею критикой, построенной на тех же исходных точках, какими пользуется официальная теория, разоблачить ее вред и опасность. Голос украинской интеллигенции, при укоренившихся преубеждениях против украинского движения, не может быть убедителен для правительства и широких, мало знакомых с сущностью вопроса, общественных кругов. Тогда как авторитеты русской науки и признанные представители русской общественности своим влиянием могли бы если не окончательно разрешить украинский вопрос, то все же сдвинуть его с мертвой точки и приблизить разрешение этого векового, тяжелого государственного недоразумения.

Опасность для России не в украинском движении как таковом, а в предвзятой трактовке его в качестве вредного и притом наносного явления в государственном и национальном организме. При таком взгляде движение, по существу естественное, органическое и имеющее равное право на существование со всеми аналогичными движениями, отодвигается в ряды бесправных, а потому враждебных данному государственному укладу явлений, легко воспринимающих оттенки чуждых влияний и тяготений. При отказе от традиционной политики самое широкое развитие украинской культуры вполне совместимо с государственным единством России даже при соответствующих стремлениям украинцев реформах внутреннего строя. Продолжение же противукраинской политики сохраняет в государственном организме язву бесправия и произвола, парализующего всякий успех прогрессивных начал не в меньшей мере, чем сохранение пресловутой черты оседлости.

Страх перед племенным и культурным «расколом» ради отвлеченной и проблематической опасности укореняет опасность реальную — примирение с насилием и произволом. Украинцы в этом раздвоении культуры видят, наоборот, расцвет заложенных в русское племя данных и больше боятся

¹ Холмщина (Забужье) — историческая область на реке Буге (ныне в составе ПНР). Название получила от города Холма (ныне Хелм), который основал в XIII веке князь Даниил Галицкий. Холмщина входила в состав Галицко-Волынского княжества, затем находилась под властью Литвы, Венгрии, Польши, Австрии, Варшавского герцогства, в 1815—1914 годах — России, в 1914—1918 годах — австро-германских оккупантов, с 1919 года — в составе Польши. По соглашению между правительством УССР и Польским комитетом национального освобождения, подписанному 9 сентября 1944 года в Люблине, большинство украинцев, живших на Холмщине, переселились на территорию УССР.

нынешнего фактического раскола в русском обществе, обусловливаемого диаметральной противоположностью точек зрения сторонников и противников украинской идеи. Антагонисты украинства не желают допустить свободы украинского движения из страха политического и культурного ущерба для России, — украинцы видят ущерб именно в отсутствии этой свободы и в возможности сомнений и колебаний по такому ясному и простому вопросу. Лучшие из сомневающихся не уверены, что следует допустить украинское движение, украинцы же считают преступлением против общечеловеческого права противодействие просветительной и культурной работе в каких бы то ни было живых национальных формах. Отсюда растущая пропасть взаимного недоверия, переходящая во вражду.

Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинской народностью прав на национально-культурное самоопределение, т. е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературы, общественной жизни; украинцы полагают, что в интересах не только местной украинской, но и общерусской культуры не ставить препятствий их стремлениям к украинской местной общественной и церковно-религиозной жизни, а также местного самоуправления. В общем, украинцы считают, что свобода украинской культуры требуется именно интересами русского дела и что сохранить украинцев, как русских, Россия может, лишь приняв их со всем национально-культурным обликом, как украинцев.

Так как украинское движение органично и питается корнями народной жизни, то оно никогда не угаснет, а следовательно, положительное разрешение украинского вопроса для государства, не отказывающегося от основных начал правового строя, неизбежно, и всякие отсрочки и проволочки в этом разрешении только углубляют внутренний разлад в государстве, обществе и народе.

Вопрос идет об охране интересов самой подлинной культуры, притом способной проникнуть в народные массы гораздо глубже и шире, чем та общерусская культура, именем которой оперируют враги украинского движения.

Вопрос идет об отказе от тех самых приемов государственного насилия в национальных отношениях, которые теперь так часто ставятся в упрек германизму.

Вопрос идет о сохранении за Россией культурного и политического воздействия на украинское движение, ибо при нынешней политике всегда будут поддерживаться условия, способствующие тяготению к внешним центрам, как у поляков было — к Кракову, у литовцев — к Кенигсбергу, у украинцев — ко Львову и Черновцам.

Вопрос идет, наконец, о сохранении и развитии русского племени из его исконных корней, об усилении его сопротивляемости чуждым влияниям, об устранении условий, ослабляющих и разлагающих украинскую народность и искусственно отклоняющих ее интересы в сторону не русских тяготений.

Представители сочувственно относящихся к украинскому движению кругов русского общества должны взять этот вопрос в свои руки. Необходимо

¹ То есть режима, действовавшего на территории Российской империи, Украины в том числе, до царского Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка».

² Объединение Австрии и Венгрии по соглашению между ними 8 февраля 1867 года; распалось в конце 1918 года. На территории бывшей Австро-Венгрии создались Австрия, Венгрия, Чехословакия; часть территории вошла в состав Югославии, Румынии, Польши.

признать, что ни преследования со стороны правительства, ни отсутствие общественной поддержки не приостановят работы, которую несет на себе, в интересах своего народа, украинская интеллигенция. Но общественное равнодушие пред фактом национального бесправия может поселить в украинцах убеждение в полной безнадежности нормального, эволюционного пути для достижения условий, благоприятствующих их национальной работе. А отсюда, как естественное последствие, могут развиваться, с одной стороны, пораженческие настроения, а с другой — тенденции к уклонению от общегосударственной работы и к сосредоточению всех сил на интересах своей народности, которое во всяком случае обещает больше практических успехов. Убедительным примером в этом смысле являются поляки и их тактика полного безразличия к вопросам текущей русской государственной и общественной жизни, поскольку они не связаны с чисто польскими интересами.

Одним из средств, с помощью которых можно было бы видоизменить в благоприятном смысле отношение русского общества к украинскому вопросу, могут быть публицистические выступления наподобие предпринятого группою ученых издания брошюр по чехословацкому и южнославянскому национальным вопросам. Возможны и иные формы воздействия на малоосведомленные или предубежденные против украинского движения круги общества и влиятельные сферы.

В области публицистики программа практических начинаний на первое время могла бы быть следующая:

а) Установление правильного взгляда на украинское движение в специальных изданиях от имени группы русских ученых и общественных деятелей.

б) В частности, содействие скорейшему разрешению школьного вопроса путем освещения роли родного языка в народной школе и мер к освобождению украинского языка от лежащих на нем в этом отношении ограничений.

в) Содействие введению специальных дисциплин по украиноведению в высшей школе и соответствующих предметов в средней.

г) Содействие отмене всяких ограничений в области культуры, прессы и культурной работы, установленных для украинцев.

д) Быть может, было бы также неуместно возвысить голос, в общерусских и украинских интересах, против предположенной отдачи украинского населения Буковины и Галиции под власть Румынии и Польши.

Этот вопрос примыкает к более общему вопросу — о судьбе украинской культуры в Галиции и Буковине, полное разрешение которого теперь, конечно, преждевременно, но принципиальное освещение желательно, а некоторые практические шаги, как, напр<имер>, реабилитация эвакуированных из Галиции украинцев, — и безусловно необходимы.

Публикация,
предисловие
и примечания
доктора философских наук
Инара МОЧАЛОВА

ЭТИ ГОЛОСА НЕ БЫЛИ УСЛЫШАНЫ

Публикуемая нами статья Владимира Ивановича Вернадского «Украинский вопрос и русское общество» ранее еще нигде не печаталась. Рукописного ее оригинала, к сожалению, не сохранилось. Машинописный экземпляр статьи (3-й или 4-й) с небольшой вторской правкой хранится в личном фонде ученого в Архиве АН СССР (ф. 518, оп. 1, д. 2205, лл.1—11). Статья автором не датирована. Однако, судя по тексту, время ее завершения относится скорее ко второй половине — концу 1915 года.

Сейчас пока можно только гадать, в какое издание (или издания) и какого типа (журнал, газета, сборник...) были посланы Вернадским первые экземпляры статьи (и были ли посланы вообще) и почему она в свое время не была опубликована. Возможно, это когда-нибудь удастся выяснить на документальной основе.

Совершенно очевидно, однако, что в богатейшем публицистическом наследии Вернадского — наследии, современному читателю, увы, практически почти неизвестном и недоступном, — статья «Украинский вопрос и русское общество» занимает важное место.

Обращение ученого к заявленной в заголовке статьи теме было обусловлено рядом как объективных, так и субъективных обстоятельств. Что касается объективных — они ясны из содержания статьи. Относительно же обстоятельств субъективных сам Владимир Иванович спустя около трех лет после окончания статьи, в 1918 году (находясь в Киеве в период организации Украинской Академии наук, первым президентом которой он стал), сказал предельно лаконично и точно, характеризуя себя как «русского по культуре и по всему укладу своей жизни — правда, русского, вся жизнь которого непрерывно была связана и с Украиной, и с украинским освободительным движением».

Чем можно объяснить столь непривычное для нас гармоническое сочетание в одном человеке двух национальных начал? Ответ и прост, и одновременно очень сложен. В. И. Вернадский занимает свое, одному ему принадлежащее место в ряду великих отечественных мыслителей конца XIX — первой половины XX века (таких, как Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, П. А. Флоренский), для которых в принципе не существовало проблемы так называемого приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. В то время как категории «государство», «класс», «партия» были альфой и омегой практического выживания административно-командной системы, эти люди жили и творили в атмосфере только общечеловеческих ценностей. Иных они не знали и знать не могли. Личность, семья, нация — вот что было для них единственной, по преимуществу, реальностью.

Сегодня, в пору обострения в нашей стране межнациональных отношений, мы учимся у этих мыслителей терпимости, умению понять иную культуру, уважению ко всем народам и их неотъемлемым правам. Все это нашло отражение в предлагаемой читателям статье В.И. Вернадского.

Украинский вопрос есть вопрос старый, — он ровесник появлению украинского этнографического элемента в составе Московского государства. В разное время вопрос этот принимал разные формы.

Сущность украинского вопроса заключается в том, что украинская (малорусская) народность выработалась в определенно очерченную этнографическую индивидуальность с национальным сознанием, благодаря которому старания близких и дальних родичей обратить ее в простой этнографический материал для усиления господствующей народности оставались и остаются безуспешными.

Национальное самосознание украинцев развилось на почве этнографических отличий, особенностей психики, культурных тяготений и наслоений, связывавших Украину с Западной Европой, и исторически сложившегося уклада народной жизни, проникнутой духом демократизма.

Когда польско-украинская борьба закончилась добровольным присоединением Украинского государства к Московскому Царству, на основах договора 1654 года¹, одновременно начался долгий, до сих пор не закончившийся, период трений между украинским населением и русской властью, обусловленных централистическими стремлениями последней.

В XVII и XVIII веках русско-украинские отношения сводились к постепенному поглощению и переработке Россией Украины как инородного политического тела, причем попутно ликвидировались основы местной культурной жизни (школа, свобода книгопечатания) и подвергались преследованию даже этнографические отличия. Последовательное развитие новых начал управления к концу XVIII века успело малопомалу сгладить следы административной автономии на Украине, а сопутствовавшее новому укладу жизни разложение социальных отношений ослабило оппозицию украинцев великорусскому централизму. Как и в период польского владычества, высшие слои украинского общества в значительной части шли навстречу объединительным тенденциям правительства, а народные массы, по мере распространения на Украине новой социально-экономической структуры, обращались в живой инвентар государственного хозяйства, теряя значительную активную силу в национально-культурной жизни края.

Процесс разложения политического единства Украины проходил не без протестов со стороны сознательных элементов украинского населения и не без чрезвычайных мер со стороны государства, ускорявших водворение нового

строения на развалинах старого. Были вспышки местных бунтов, попытки первых гетманов спасти политическую самостоятельность края при помощи иных держав, были открытые военные восстания, подавление которых вело за собою жестокие репрессии со стороны

центрального правительства. Вместе с тем последнее применяло разнообразные способы уничтожения военной силы Украины, вплоть до специальных карательных экспедиций (разрушение Сечи²) и выселения.

По мере ослабления национальной жизни Украины протест против русско-го централизма принимал иные формы, но не прекращался до конца XVIII века. Одна за другою в Петербурге появлялись депутации, ходатайствовавшие о сохранении и восстановлении народных прав. Созыв Екатериною II депутатов для обсуждения вопросов государственного характера² вызвал на Украине целое движение протестов против обезличения украинского народа и лишения его политических прав. Наиболее пылкие украинские политики даже и в этот период считали себя вправе высказывать свои жалобы на действия русского правительства иностранным государям. В литературных произведениях этого времени не умолкает скорбь об утраченных правах и национальных вольностях.

В XIX веке Украина, как политический организм с самостоятельною внутреннею жизнью, перестала существовать, будучи окончательно, по выражению Петра Великого, «прибрана к рукам» Россией. Все следы автономного строя исчезли, все особенности местного уклада, соответствовавшие народному характеру и составлявшие лучшее приобретение национальной культуры, — как организация народного просвещения, своеобразный строй церковно-религиозной жизни, — уступили свое место общерусскому порядку, державшемуся на трех китах: централизме, абсолютизме, бюрократизме. Борьба за политические интересы старой Украины закончилась за отсутствием объекта этой борьбы.

Но национальная жизнь на Украине не исчезла; она в это время начала возрождаться в новых формах, соответственно новым условиям. Благодаря обращению украинских писателей к живой народной речи получила значительное развитие обновленная литература, близкая к широким массам украинского населения и послужившая могучим фактором национального украинского движения.

Совпавшее с этим периодом возрождение западнославянских народно-

¹ Имеются в виду мартовские статьи 1654 года, юридически оформившие автономное положение Украины в составе Российского государства после ее воссоединения с Россией на основе решений Московского земского собора 1 октября 1653 года и Переяславской рады: 8 января 1654 года

² Запорожская Сечь была разрушена русскими войсками в апреле 1709 года, в мае того же года Петр I издал указ о ее ликвидации. Новая Сечь, возникшая в 1734 году в районе бывшей Запорожской Сечи, была уничтожена в 1775 году.

³ В 1767 году Екатерина II создала Комиссию, целью которой была разработка общероссийского правового Уложения. Под предлогом войны с Турцией работа Комиссии вскоре была прекращена.

стей дало новую почву и широкое научное и культурное обоснование украинскому национальному движению, как одному из составных элементов стремления человечества приобщить народные массы к достижениям культуры и утвердить торжество демократических идей.

Первые идеологи этой стадии украинского движения исходили из идеи равноправия украинской народности с другими славянскими народами и ставили своим идеалом восстановление

национально-политической самостоятельности Украины в составе России, на началах федеративного устройства и широкого демократического строя в местном управлении. В дальнейшем развитии движения украинское общество отстаивало, главным образом, свои права на свободное культивирование народного языка в сфере школы и литературы, относя национально-политическую автономию края к постулатам более отдаленной очереди.

Возрождение украинского движения в новых формах вызвало на первых же порах суровые репрессии правительства и положило начало новому периоду борьбы официальной России с украинской народностью — на этот раз уже, главным образом, с национально-культурной стороной ее жизни, как с реальным обоснованием национального самосознания украинской интеллигенции. В официальной терминологии украинское движение этого периода получило название «украинского сепаратизма».

Меры правительства против украинского движения, не считая личного преследования украинских деятелей, выразились в исключительном цензурном режиме, ограничивавшем употребление украинского языка в печати самими узкими рамками, — в стеснении украинской драматургии и сцены, в гонении на украинский язык в школе, в общем враждебном отношении ко всякому оказательству¹ украинского национального самосознания или даже стихийного влечения к национальному украинскому элементу.

В частных проявлениях борьбы с «украинским сепаратизмом» администрация, особенно местная, доходила до преследования самых невинных и естественных проявлений национальной украинской стихии, как пение народных песен, выступления кобзарей и т.п.

В какой мере в этих случаях правительственная политика не считалась с интересами просвещения и культуры, видно из того, что с наибольшим ожесточением украинская национальная идея преследовалась в церковно-религиозной и школьной литературе. Именно там, где украинская интеллигенция видела лучшее орудие просвещения и наиболее прямой путь к моральному и культурному подъему народных масс, правительство видело лишь угрозу единству русского народа и прочности государства.

Период интенсивной борьбы с украинским движением продолжался, с некоторыми колебаниями и перерывами, более 50 лет, с 1847 по 1905 год. Наиболее острые моменты: 1847 (Кирилло-Мефодиевское братство)², 1863 (запрещение религиозной литературы <на украинском языке>), 1876 (запрещение <на украинском языке> всех видов литературы, кроме беллетристики), 1881

(подтверждение этого режима). Мотивировалась эта борьба утверждениями об этнографическом, культурном и языковом единстве отдельных ветвей русского народа, о равномерном участии этих ветвей в создании русского литературного языка, общегосударственная роль которого исключает-де необходимость в параллельном развитии иных языков и литератур русского корня; рядом с этим указывалась государственная опасность украинского «политического сепаратизма» и преобладания в украинском движении антигосударственных социальных тенденций; наконец, высказывались подозрения и обвинения в инородном или иноземном происхождении украинского движения, внушаемого и поддерживаемого исконными врагами России, каковы: поляки, немцы и т.п.

Правительственная политика этого периода стремилась к определенной цели — достичь полного слияния украинцев с господствующей народностью и уничтожить вредное для последней сознание своей национальной особенности в украинском населении. В своем существе эта политика великорусского национального централизма была, таким образом, не менее сепаратистской, нежели подозреваемое в сепаратизме украинское движение; только официальный сепаратизм был великорусский и клонился к претворению огромного, многоязычного и многокультурного государства в нивелированную по великорусскому образцу страну, великой России — в Великобританию.

Освободительное движение в короткий промежуток 1905—1907 годов дало украинцам свободу от специальной цензуры, прессу, расширение рамок литературной работы, попытки организованной общественной деятельности в сфере народного просвещения. Правящие круги в поворотный момент русской истории (конец 1904 и начало 1905) пошли навстречу и украинской народности в ее наиболее настоятельных нуждах, результатом чего явилось

¹ Здесь, очевидно, в смысле «проявления», «обнаружения».

² Кирилло-Мефодиевское общество возникло в конце 1845 — начале 1846 годов в Киеве и ставило своей целью национальное и социальное освобождение Украины. В Общество входило несколько десятков человек (в их числе Н. И. Костомаров, Н. И. Гулак. Т. Г. Шевченко, П. А. Кулиш и др.) В мае 1847 года члены Общества были арестованы и приговорены к различным мерам наказания.

возбуждение вопроса о снятии с украинской письменности цензурных ограничений и разрешение издать украинский перевод Четвероевангелия. Украинское национальное самосознание проявило себя в этот период национальным представительством в Первой и Второй государственных Думах, от которого исходили веские и обоснованные заявления о ждущих своего разрешения нуждах украинского населения в области народной школы, о национализации среднего и высшего образования, а также местных правительственных и церковных установлений, наконец, о реформах местного управления, экономических и социальных отношений. Эти голоса, однако, уже не были услышаны и вместе с кризисом народного представительства умолкли. Наступил новый период гонений на украинское движение.

Период этот совпал с усилением националистических течений в русском обществе, на которые оперся в своей внутренней политике Столыпин. Борьба со стремлениями инородцев к национальному самоопределению сделалась одним из лозунгов столыпинского управления, — и в число этих инородцев правительство определенно и сознательно включают украинцы. Сенат-

ский указ о закрытии польской *Oswiata*¹, как организации, содействующей культурному обособлению поляков от России, служит исходной точкой для действий администрации по отношению к украинским «Просвітам» и другим общественным организациям. В ряде циркуляров по ведомству министерства в<нутренних> дел Столыпин объявляет борьбу с украинством государственной задачей, лежащей на России с XVII столетия>. Наконец, в качестве кодекса официальных воззрений на украинское движение появляется исследование Щеголева².

Осложняющим моментом в украинском вопросе являлось развитие украинского движения за пределами России — в Галиции³. Там движение началось в середине XIX века и носило, как и в России, исключительно культурно-национальный характер, с тенденцией к усовершенствованию форм внутреннего управления своей страны. Более широкие рамки политической жизни способствовали успехам украинской культуры в Галиции. Литературные и общественные силы российской Украины в периоды усиленных репрессий отливали в Галицию и также участвовали в местной культурной работе. В итоге украинцы усвоили взгляд на Галицию как на Пьемонт⁴ украинского национального возрождения, тогда как русские официальные сферы привыкли смотреть на нее как на очаг украинского сепаратизма, поддерживаемый чужеродными влияниями. Реакционные москвофильские течения Галиции служили опорой такому взгляду.

Отношение широких кругов русского общества к украинскому движению прошло значительную эволюцию. Спокойно-равнодушное вначале, с некоторым интересом к нарождающейся литературе и с идейным сочувствием к национальному возрождению украинцев со стороны отдельных представителей славянофильской мысли, в дальнейшем оно дифференцировалось. Националистические течения относились к украинству подозрительно-враждебно, примыкая к официальной политике. Культурное значение движения пренебрегалось, социальная сторона вызвала опасения, национальная — отвергалась. Прогрессив-

ные круги отвлеченно сочувствовали, но практически держались пассивно, не вникая в положительные стороны движения и не останавливаясь на принципиальной недопустимости стеснений в области культуры. Широкое развитие украинской изящной литературы, успехи украинской науки в Галиции, культурный и экономический подъем украинского населения в этом крае, как наглядное доказательство плодотворности национального начала в народном просвещении, — все это прошло мимо внимания русских общественных кругов. На этом фоне общественного равнодушия лишь временно выделялись единичные случаи глубокого понимания вопроса и активно сочувственного отношения, мотивируемого широко толкуемыми интересами национального единства и целостности России. Выражением такого положительного отношения к украинскому вопросу явилась записка Академии наук 1905 года об отмене стеснений малорусского печатного слова, которая имела огромное значение как противовес успевшему образоваться отчуждению между украинской интеллигенцией и русским обществом.

В последнее десятилетие, с усилением в обществе националистических

¹ *Oswiata* (польск.) — просвещение; имеется в виду запрещенный царицизм в послереволюционный период польское просветительское общество.

² Скорее всего речь идет о юнге С. Н. Щеголева «Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи» (Киев, 1914). Как отмечалось в предисловии, книга была составлена автором по более обширному труду под заглавием «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма».

³ Галиция (Галичина) — территория западноукраинских земель (современные Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области УССР), после воссоединения Украины с Россией оставшаяся в составе Речи Посполитой, а затем, после первого раздела Польши, оказавшаяся под властью Австрии и потом Австро-Венгрии. Воссоединение Галиции с Украиной произошло в 1939 году.

⁴ Пьемонт — область на северо-западе Италии, играла ведущую роль в итальянском национально-освободительном движении XIX века.

настроенный, выяснилось отрицательное отношение к украинскому движению даже в известной части прогрессивных элементов общества, в глазах которых главная опасность движения заключается именно в его культурной роли, угрожающей России национальным и культурным расколом. Эти элементы сознательно поддерживают противукраинскую политику правительства, их не шокируют административные способы оценки и разрешения вопросов педагогики, филологии, культуры. Из этой среды появляются затем провозвестники русского империализма, признающие право творить культуру только за большими нациями и на этом основании обрекающие культуру 30-миллионного украинского народа на растворение в великорусском море.

Вражда официальной и националистической России к украинскому движению вызвала к себе интерес и внимание в идеологах и руководителях воинствующего германизма, для которого она представлялась благоприятным фактором в случае возможной борьбы против России.

Это внимание германских политиков к украинскому вопросу не только не побудило русское правительство и общество изменить свое к нему отношение и разрешить его согласно принципам общечеловеческой справедливости, настоятельным нуждам украинской народности и пользам государства, но окончательно ожесточило враждебные украинству элементы, объединив их в ненависти к новому; «мазепинству».

Война 1914 года в известной мере явилась результатом этого рода настроений, ибо отношения между Россией и Австрией определялись по преимуществу славянофильско-националистической идеологией, в которой одно из главных мест занимало враждебное отношение к росту украинской культуры в Галиции и стремление к «воссоединению подъяремной

Руси» с Россией на началах этнографического единства.

Успехи России на австрийском фронте в первые месяцы войны дали возможность правительству при содействии националистов предпринять уничтожение ненавистного «очага мазепинства». Осуществлялся этот план с чисто германской последовательностью и жестокостью — путем полного разрушения украинской общественности и культуры в Галиции и насильственного изгнания из нее местных интеллигентных сил.

Период неудач, повлекший за собой отступление из Львова, отрезвил увлеченных националистов и побудил правительство смягчить свою нетерпимость к украинской национальности в оккупированных частях Галиции. Но общее отношение к украинскому движению не изменилось, о чем свиде-

тельствует тяжелое положение высланных галичан и продолжающиеся цензурные притеснения украинской прессы и литературы в России, которые в последнее время, по-видимому, имеют тенденцию восстановиться для украинского слова действие доконституционного режима¹.

Вместе с тем силою вещей «освобождение подъяремной Руси» принимает дальнейшие своеобразные формы. В договорах союзных держав с Румынией видное место занимает передача ей Буковины, а в переговорах с поляками относительно государственного устройства будущей Польши упоминается предстоящая уже теперь замена русского управления польским в «завоеванных частях польской территории»; предположение это, очевидно, касается оккупируемой русскими войсками части Восточной Галиции, — как известно, составляющей не польскую, а исконно украинскую территорию. «Освобождение» свелось, таким образом, сперва к разрушению украинской культуры во имя русского единства, а затем — к стачке украинского населения Буковины и Галиции на жертву румынизации и полонизации.

Нового в этом для украинской народности, впрочем, мало. И в прошлом ее интересы жертвовались государством в пользу более сильных или более нужных в данный момент соседей — чаще всего в пользу поляков, несмотря на извечную русско-польскую вражду. В XVII веке Андрусовский договор разделил украинскую территорию между Россией и Польшей. В XVIII веке Екатерина <II> помогала полякам подавить восстание украинского крестьянства против польской власти в то самое время, как восставшие считали, что они действуют в интересах России. В XIX веке правительство становится на сторону польских аграриев против украинского демократизма, а слепая борьба с унией² содействует полонизации населения Холмщины¹.

¹ То есть режима, действовавшего на территории Российской империи, Украины в том числе, до царского Манифеста 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка».

² Объединение Австрии и Венгрии по соглашению между ними 8 февраля 1867 года; распалось в конце 1918 года. На территории бывшей Австро-Венгрии создались Австрия, Венгрия, Чехословакия, часть территории вошла в состав Югославии, Румынии, Польши.

¹ Холмщина (Забужье) — историческая область на реке Буге (ныне в составе ПНР). Название получила от города Холма (ныне Хельм), который основал в XIII веке князь Даниил Галицкий. Холмщина входила в состав Галицко-Волынского княжества, затем находилась под властью Литвы, Венгрии, Польши, Австрии, Варшавского герцогства. В 1815—1914 годах — России, в 1914—1918 годах — австро-германских оккупантов, с 1919 года — в составе Польши. По соглашению между правительством УССР и Польским комитетом национального освобождения, подписанному 8 сентября 1944 года в Люблине, большинство украинцев, живших на Холмщине, переселились на территорию УССР.

Вопрос идет, наконец, о сохранении и развитии русского племени из его исконных корней, об усилении его сопротивляемости чуждым влияниям, об устранении условий, ослабляющих и разлагающих украинскую народность и искусственно отклоняющих ее интересы в сторону не русских тяготений.

Представители сочувственно относящихся к украинскому движению кругов русского общества должны взять этот вопрос в свои руки. Необходимо

признать, что ни преследования со стороны правительства, ни отсутствие общественной поддержки не приостановят работы, которую несет на себе, в интересах своего народа, украинская интеллигенция. Но общественное равнодушие пред фактом национального бесправия может поселить в украинцах убеждение в полной безнадежности нормального, эволюционного пути для достижения условий, благоприятствующих их национальной работе. А отсюда, как естественное последствие, могут развиваться, с одной стороны, поразительные настроения, а с другой — тенденции к уклонению от общегосударственной работы и к сосредоточению всех сил на интересах своей народности, которое во всяком случае обещает больше практических успехов. Убедительным примером в этом смысле являются поляки и их тактика полного безразличия к вопросам текущей русской государственной и общественной жизни, поскольку они не связаны с чисто польскими интересами.

Одним из средств, с помощью которых можно было бы видоизменить в благоприятном смысле отношение русского общества к украинскому вопросу, могут быть публицистические выступления наподобие предпринятого группой ученых издания брошюр по чехословацкому и южнославянскому национальным вопросам. Возможны и иные формы воздействия на малоос-

ведомленные или предубежденные против украинского движения круги общества и влиятельные сферы.

В области публицистики программа практических начинаний на первое время могла бы быть следующей:

а) Установление правильного взгляда на украинское движение в специальных изданиях от имени группы русских ученых и общественных деятелей.

б) В частности, содействие скорейшему разрешению школьного вопроса путем освещения роли родного языка в народной школе и мер к освобождению украинского языка от лежащих на нем в этом отношении ограничений.

в) Содействие введению специальных дисциплин по украиноведению в высшей школе и соответствующих предметов в средней.

г) Содействие отмене всяких ограничений в области культуры, прессы и культурной работы, установленных для украинцев.

д) Быть может, было бы также неуместно возвысить голос, в общерусских и украинских интересах, против предполагаемой отдачи украинского населения Буковины и Галиции под власть Румынии и Польши.

Этот вопрос примыкает к более общему вопросу — о судьбе украинской культуры в Галиции и Буковине, полное разрешение которого теперь, конечно, преждевременно, но принципиальное освещение желательно, а некоторые практические шаги, как, напр<имер>, реабилитация эвакуированных из Галиции украинцев, — и безусловно необходимы.

Публикация,
предисловие
и примечания
доктора философских наук
Инара МОЧАЛОВА

В XX веке произведенное русскими руками обескровление Восточной Галиции восстановило в ней прежнее влияние польской культуры, подорванное было развитием культуры украинской. В подобных случаях интересы русского дела, русской идеи, русского единства руководителей русской политики в расчет не принимаются.

По мнению украинского общества, русские прогрессисты пассивным отношением к украинскому вопросу совершают огромную историческую и политическую ошибку. Они усиливают этим позицию правительства и националистов, вместо того, чтобы своею критикой, построенной на тех же исходных точках, какими пользуется официальная теория, разоблачить ее вред и опасность. Голос украинской интеллигенции, при укоренившихся предубеждениях против украинского движения, не может быть убедителем для правительства и широких, мало знакомых с сущностью вопроса, общественных кругов. Тогда как авторитеты русской науки и признанные представители русской общественности своим влиянием могли бы если не окончательно разрешить украинский вопрос, то все же сдвинуть его с мертвой точки и приблизить разрешение этого векового, тяжелого государственного недоразумения.

Опасность для России не в украинском движении как таковом, а в предвзятой трактовке его в качестве вредного и притом наносного явления в государственном и национальном организме. При таком взгляде движение, по существу естественное, органическое и имеющее равное право на существование со всеми аналогичными движениями, отодвигается в ряды бесправных, а потому враждебных данному государственному укладу явлений, легко воспринимающих оттенки чуждых влияний и тяготений. При отказе от традиционной политики самое широкое развитие украинской культуры вполне совместимо с государственным единством России даже при соответствующих стремлениям украинцев реформах внутреннего строя. Продолжение же противоукраинской политики сохраняет в государственном организме язву бесправия и произвола, парализующего всякий успех прогрессивных начал не в меньшей мере, чем сохранение пресловутой черты оседлости.

Страх перед племенным и культурным «расколом» ради отвлеченной и проблематической опасности укореняет опасность реальную — примирение с насилием и произволом. Украинцы в этом раздвоении культуры видят, наоборот, расцвет заложенных в русское племя данных и больше боятся

нынешнего фактического раскола в русском обществе, обусловливаемого диаметральной противоположностью точек зрения сторонников и противников украинской идеи. Антагонисты украинства не желают допустить свободы украинского движения из страха политического и культурного ущерба для России, — украинцы видят ущерб именно в отсутствии этой свободы и в возможности сомнений и колебаний по такому ясному и простому вопросу. Лучшие из сомневающихся не уверены, что следует допустить украинское движение, украинцы же считают преступлением против общечеловеческого права противодействие просветительной и культурной работе в каких бы то ни было живых национальных формах. Отсюда растущая пропасть взаимного недоверия, переходящего во вражду.

Украинская интеллигенция ждет от России полного признания за украинской народностью прав на национально-культурное самоопределение, т. е. прав на свободную национальную работу в сфере школы, науки, литературы, общественной жизни; украинцы полагают, что в интересах не только местной украинской, но и общерусской культуры не ставить препятствий их стремлениям к украинской местной общественной и церковно-религиозной жизни, а также местного самоуправления. В общем, украинцы считают, что свобода украинской культуры требует именно интересами русского дела и что сохранить украинцев, как русских, Россия может, лишь приняв их со всем национально-культурным обликом, как украинцев.⁴

Так как украинское движение органично и питается корнями народной жизни, то оно никогда не угаснет, а, следовательно, положительное разрешение украинского вопроса для государства, не отказывающегося от основных начал правового строя, неизбежно. и всякие отсрочки и проволочки в этом разрешении только углубляют внутренний разлад в государстве, обществе и народе.

Вопрос идет об охране интересов самой подлинной культуры, притом способной проникнуть в народные массы гораздо глубже и шире, чем та общерусская культура, именем которой оперируют враги украинского движения.

Вопрос идет об отказе от тех самых приемов государственного насилия в национальных отношениях, которые теперь так часто ставятся в упрек германизму.

Вопрос идет о сохранении за Россией культурного и политического воздействия на украинское движение, ибо при нынешней политике всегда будут поддерживаться условия, способствующие тяготению к внешним центрам, как у поляков было — к Кракову, у литовцев — к Кенигсбергу, у украинцев — к Львову и Черновцам.